

Таким образом, можно сказать, что параметры распределительных механизмов, когда неравенство находится в пределах значений 7–9 для коэффициента фондов, являются оптимальными как в экономическом, так и в общем стратегическом (в том числе, геополитическом) плане. Именно при таких параметрах распределения большая часть населения сможет реализовывать свои чаяния в экономическом и репродуктивном поведении, сохранении своего здоровья, наращивании человеческого потенциала и т.п., и в этом смысле и общественно справедливыми.

Литература

Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. (2009). Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: М студия.

Шевяков А.Ю. (2008). Неравенство, экономический рост и демография. М.: ИСЭПН РАН.

Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. (2002). Измерение экономического неравенства. М.: Лето.

Сен А. (2004). Развитие как свобода. М.: Фонд «Либеральная инициатива».

Arrow K.J., Hahn F.H. (1971). General Competitive Analysis. Edinburgh: Oliver and Boyd.

Banerjee A., Duflo E. (2000). Inequality and Growth: What Can the Data Say? [Электронный ресурс] NBER working paper 7793. Режим доступа: <http://www.nber.org/papers/w7793>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: февраль 2011 г.).

World Bank (2006). Equity and Development: World Development Report 2006. N.Y.: The World Bank and Oxford University Press.

Е.Ш. Гонтмахер

ИМЭМО РАН, Москва

Несколько тезисов о глобальных мировых трендах миграции

1. В перспективе нескольких ближайших десятилетий демография имеет критическое значение для мирового развития. В странах «восьмерки» (за исключением США) смертность устойчиво превышает рождаемость. Это же относится и к подавляющему большинству европейских стран, а также Японии. Причины этой ситуации многообразны, однако их нельзя свести только к росту благосостояния, который увеличивает продолжительность жизни, но также пока сокращает внутрисемейные планы рождаемости. Важна и сформированная к данному моменту в развитом обществе система ценностей¹⁴.

Уменьшение собственного населения стран «золотого миллиарда» происходит на фоне постоянно улучшающегося там уровня жизни (уровня потребления). При этом разрыв между этим «миллиардом» и остальным миром столь же постоянно увеличивается, что становится все более мощным фактором для легального и нелегального перетока людей из менее развитой в более развитую часть мира.

Уже не одно десятилетие наиболее развитые страны привлекают мигрантов, исходя из разнообразных соображений, среди которых можно назвать четыре основных:

- обязательства бывших метрополий по отношению к их бывшим колониям (Великобритания, Франция, Нидерланды, Португалия);
  - осознанная ставка на мигрантов как на дополнительное население (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия);
  - общегуманитарные соображения (Скандинавские страны);
  - потребности заполнения вакансий на рынке труда (все развитые страны).
- К настоящему времени в большей части развитых стран сложилась ситуация, когда скорость притока мигрантов (прежде всего за счет неконтролируемых каналов) превышает возможности их адаптации к местным ценностям и порядкам. В результате быстро формируются этнические «гетто», происходит жесткое территориальное, культурное, религиозное и языковое размежевание между мигрантами и их потомками и местным населением. Особенно это характерно для так называемых «национальных государств» (Великобритания, Франция, Германия), куда прибывают мигранты преимущественно из стран с другой культурой.

метно понижается. с учетом этих обстоятельств, при оптимальном перераспределении доходов, снижающим величину коэффициента дифференциации до 8, и при годовом росте реальных доходов на 10%, рождаемость в 2007 г. повысилась бы на 2,8 промилле — до 13,2 промилле в год, — а не до 11 промилле, как это фактически происходит. А смертность при этом понизилась бы на 6 промилле — до 9,9 промилле в год, т.е. уже в этом году, в принципе, можно было бы выйти на положительный естественный прирост населения в размере 3,3 промилле.

¹⁴ Кстати, нельзя исключить, что при определенных условиях высокий уровень жизни сможет вполне совмещаться с высокой же рождаемостью как массовым явлением. Но для этого необходимо, чтобы какие-либо очень существенные цивилизационные обстоятельства (какие именно — отдельная тема) изменили господствующие ныне ценностные установки.

Начинают возникать очаги напряженности по линии «приезжие–коренные». Типичный пример – беспорядки во Франции и Германии, террористические акты в Лондоне, совершенные британскими гражданами, но с религиозными и духовными установками, чуждыми британской жизни.

В перспективе ближайших 20 лет следует ожидать усиления этих негативных тенденций, прежде всего в связи с хронической неспособностью западных обществ найти пути культурно-религиозной адаптации мигрантов, нежеланием значительной части мигрантов принимать чужие для них правила жизни, а также быстрым увеличением в населении развитых стран доли мигрантов и их потомков в первом–втором поколении. Характерен частный пример: развитие ситуации в Косово (албанцы сначала были меньшинством, затем большинством, а потом потребовали независимости и фактически добились этого, практически вытеснив сербов).

Правительства развитых стран, кроме призывов к взаимной толерантности и попыток (впрочем, безуспешных) ужесточения миграционной политики, ничего в этой ситуации сделать не смогут. Демократические порядки не позволяют, например, проводить этнические чистки – типа депортации из страны людей (тем более, собственных граждан) по национальному или религиозному признаку. Вспомним, какой международный скандал возник из-за высылки французскими властями большого числа цыган.

Возможно, что какая-то часть менее развитого мира и снизит свою внешнюю миграционную активность в результате ощутимого улучшения внутреннего, и прежде всего экономического, положения. Это относится к таким странам Юго-Восточной Азии, как Малайзия, Таиланд, Вьетнам, возможно, – Индонезия и Филиппины, в равной мере это относится к Индии, в значительной степени – к Китаю и большей части стран Латинской Америки. Но намного больше стран окажутся в еще более отчаянном экономическом и социальном положении, чем в настоящий момент, – это прежде всего страны Африки южнее Сахары, страны Центральной Азии, возможно, Афганистан и Пакистан, а также Мексика (из-за близости к США).

Значительные потоки мигрантов из этих регионов (легально или нелегально) за ближайшие 20 лет окажутся в развитых странах. Тем самым будут усилены уже сейчас формируемые этнические и религиозные гетто, которые могут из убежищ для незаметных меньшинств превратиться в значимые сообщества меньшинств, а кое-где – и в настоя-

щее большинство, которое поменяет языковую и религиозную картину приютившей их метрополии. Например, вспомним прогноз Сэмюэля Хантингтона о скором наступлении господства в США их испаноязычных жителей. Да и на наших глазах такие мегаполисы, как Париж или Лондон, быстро превращаются в скопища мигрантов, меняющих местный пейзаж «под себя».

В этом смысле особое внимание обращает на себя быстрое увеличение мусульманского населения развитых стран – как за счет мигрантов, так и их воспроизводства во втором–третьем поколениях.

Известно, что и в мусульманских странах начались серьезные демографические изменения: резко снижается рождаемость и замедляется (иногда и останавливается) естественный прирост населения. Это относится прежде всего к наиболее экономически развитой части мусульманского мира – странам Северной Африки и Персидского залива. Но из-за того, что эти изменения еще только начались, а в развитых странах – уже практически завершились, большое число молодых жителей, прежде всего из стран Магриба, еще долгое время будут создавать мощный миграционный поток на Север и еще больше усилят описанные выше предпосылки перераспределения этнической и религиозной структуры населения развитых стран. Это может привести к смене значительной части политической и правящей элиты (пример – Южная Африка), а значит, – и ее политических ориентаций.

Скорее всего, за пределами 2030 г. массовые межрегиональные перемещения населения начнут затихать при условии повышения уровня экономического и социального развития в ныне отсталых странах. В рамках нынешних экономических и политических установок такого рода стремление к выравниванию не вырабатывается, по крайней мере, в отношении многих регионов. Чтобы переломить ситуацию, нужна выработка и реализация другой парадигмы глобального развития.

2. Почему антимиграционная политика развитых стран обречена на неудачу? Все дело в рынке труда, шире говоря – в требованиях развивающейся экономики. Как бы быстро ни повышалась производительность труда, этому процессу всегда сопутствует, как показывает история мировой экономики, рост потребности в рабочей силе. Это тем более верно в связи с тем, что все больше рабочих мест создается в так называемой «сервисной экономике», которая очень консервативна с точки зрения изменения производительности труда. Возьмем, например, сектор социального

обслуживания пожилых людей, который требует непосредственного и зачастую длительного контакта с клиентом. Кроме того, занятость в этом секторе должна объективно возражать по мере развития процесса старения населения, что уже сейчас фактически (в той или иной степени) характерно для подавляющего большинства высоко- и среднеразвитых стран.

Если экономический кризис затянется на длительный период, потребность в социальном уходе за пожилыми людьми может немного смягчиться в связи с частичным прекращением дисперизации (расчленения на поколения, живущие отдельно друг от друга) семей. Но, видимо, в перспективе ближайших 20 лет этот процесс либо остановится на этапе экономического подъема, либо не успеет приобрести сколько-либо значимые масштабы.

Источником дополнительных рабочих рук в наиболее развитых странах могут стать только мигранты, причем осевшие на постоянное место жительства. Поэтому мигрантов придется не отпихивать, а звать. При этом единственным (но, видимо, недостаточным для полной легализации миграционных потоков) фильтром могут быть минимальные требования (возраст, специальность, знание языка и т.д.) – канадско-австралийско-новозеландский вариант. При этом не исключена конкуренция наиболее развитых стран за кандидатов на переселение из остальной части мира, которая, возможно, должна регулироваться какой-то международной конвенцией, содержащей права и обязанности как стран-импортеров, так и стран-экспортеров рабочей силы.

При этом так называемые «национальные государства» из числа развитых стран (Япония, Германия, Франция, Великобритания, Италия, Испания и т.п.) оказываются в заведомо проигрышном положении по сравнению со странами, сформированными на миграционной основе (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия), из-за упомянутой выше неспособности адаптировать сколь угодно значимые массы людей с другой культурой. В первой из этих групп стран при прохождении определенного критического предела притока мигрантов (а он, судя по всему, уже близок) можно ожидать резкого усиления роли, с одной стороны, националистических и ксенофобских движений титульной нации (типа Национального фронта Ле Пена – обратите внимание на его электоральный успех на предпоследних президентских выборах), а с другой стороны, в качестве ответной реакции, – не менее радикальных движений среди мигрантов (в частности, на исламской основе), что может привести к резкой общественной

поляризации в этих странах и, в конечном счете, выбить их из числа стран-лидеров мировой экономики.

Не исключено, что мигранты и их потомки, ощущающие себя мигрантами, в одной из стран возьмут верх, и тогда облик этой страны может быстро, буквально в считанные годы, измениться. Но не в сторону ухода от «национального государства», а, наоборот, в сторону его воссоздания, но на другой культурно-религиозной основе. Это может вызвать массовый исход из этих стран «новой идентичности» прежней титульной нации в страны с близким культурным ландшафтом, которые «переродиться» не успели. Не исключено, что это будет приветствоваться в оставшихся старых «национальных государствах», которые, получив дополнительное и близкое по происхождению население, смогут успешно решать проблемы собственного рынка труда и в то же время более эффективно противостоять притоку «чужих» мигрантов. При еще худших сценариях развития событий в старых «национальных государствах» возможны масштабированные межэтнические и межконфессиональные столкновения вплоть до перерастания их в гражданскую войну с перспективой территориального расчленения на этнические и религиозно однородные и фактически независимые территории (примеры – бывшая Югославия, а затем – Босния и Герцеговина, бывшая Чехословакия, нынешняя Бельгия, сепаратистские Квебек и Каталония).

Проблемы адаптации мигрантов существуют и в странах второй группы, но в ближайшие десятилетия они не будут столь острыми, как в «национальных государствах», что позволит им «снимать сливки» на глобальном рынке труда и, возможно, за счет этого вырваться в лидеры мировой экономики.

3. О месте России в этом мегапроцессе. Пока Россия ведет себя как типичное «национальное государство», демонстрируя массовую нетерпимость даже по отношению к временным трудовым мигрантам. При этом наблюдается такое явление, как «утечка мозгов», – выезд из страны на ПМЖ или временно (которое часто становится постоянным) в развитые страны перспективных или уже состоявшихся специалистов. Пока этот поток в количественном отношении небольшой – несколько десятков тысяч человек в год, но у него – очень высокое качество. В дальнейшем, если Россия не вскочит в последний вагон поезда высокоэффективной экономики, этот поток может только усилиться. Причем он будет получать целенаправленное стимулирование со стороны стран-импортеров этих «мозгов», напо-

добие Национальной хоккейной лиги, занятой поиском и набором перспективных игроков со всего мира.

Российский мигрант очень выгоден не только благодаря своим высоким профессиональным качествам, но и в связи с культурной и религиозной близостью к титульному населению подавляющего большинства развитых стран. В этом плане он, бесспорно, выигрывает конкуренцию с людьми африканского и азиатского происхождения. Поэтому не исключено, что зарубежный работодатель будет отслеживать потенциального российского работника еще на школьной скамье, изучая, например, результаты его участия в различных олимпиадах. Следующим шагом может последовать предложение оплаты обучения в одном из престижных западных университетов с обязательством поступить в распоряжение некоторо-

го работодателя, по крайней мере, на несколько лет. Не исключено, что такая же «охота» может быть организована и на россиян с рабочими специальностями, на профессиональных медсестер, фермеров и т.п. специалистов.

Такой незавидной судьбы для перспектив развития России можно избежать только, повторюсь, решительными реформами во всех сферах жизни, которые позволят зацепиться за мир развитых стран. Это, конечно, очень тяжелая повестка дня, требующая колоссальной политической воли и профессионализма людей, принимающих решения. Возможно ли это? Пока шанс остается, но он постоянно уменьшается.

Подводя итоги, отметим, что на наших глазах формируется глобальный рынок труда, который меняет не только экономический, но, видимо, и политический ландшафт человечества.